

Весну 1893 года Александра Викторовна Потанина встретила совершенно обессиленной. Сказались долгие путешествия через Сибирь, Монголию, Китай и Тибет. Сердечные приступы следовали один за другим. В своем дневнике 8 мая она записала: «Я испытала какой-то болезненный припадок...» Но как оставить без помощи и поддержки своего возлюбленного, мужа и выдающегося ученого, такого наивно-го в житейских делах человека? И она отправилась дальше, в таинственные глубины Тибета, где до них еще не ступала нога русского человека.

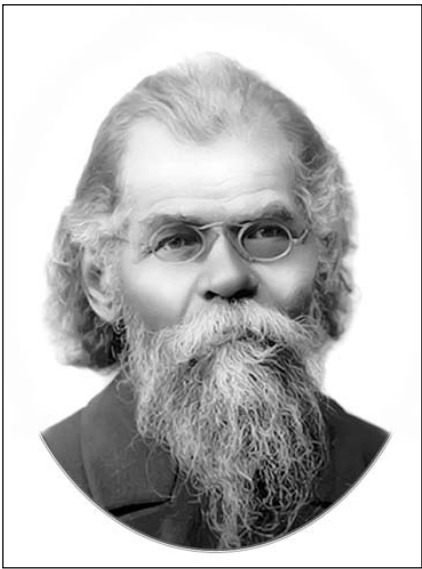
Осенью по реке Янцзы ее везли на лодке, на юг, она была в безнадежном состоянии. В тот год ей исполнилось 50 лет, но жизненный путь путешественницы завершился, ледяное плоскогорье забирало ее душу. В Китае ее называли Сиянская («заморская») женщина.

За исследовательские путешествия и научные труды, что и сегодня поражают нас богатством языка и образов, Александра Викторовна удостоилась высочайшей награды, которую до нее получали лишь выдающиеся мужчины-первопроходцы, — золотой медали Русского географического общества. «Медаль дали за стирку!» — шутила она.

Благодаря ее исследованиям мир впервые увидел Центральную Азию глазами женщины, художника, ученого-этнографа и фольклориста, путешественника по загадочным землям...

Александра Потанина

Григорий Потанин

Все началось с любви. Чувства неожиданного и на всю жизнь. Два человека — Александра, воспитательница женского епархиального училища, и Григорий, коренной сибирский казак, путешественник, неукротимый публицист — встретились в городке Никольске Вологодской губернии. Она приехала туда вместе с мамой навестить своего брата Константина, политического ссыльного, а встретила свою судьбу. В 1874 году они обвенчались, стали мужем и женой, двойной звездой с единой траекторией жизни. Любовь преобразила молодую пару. Александра до встречи с Григорием, как и он, жила в ожидании чуда. Теперь пути их слились, чтобы уже никогда не расходиться, до самой смерти и дальше.

Родилась Александра 25 января 1843 года в городе Горбатове Нижегородской губернии. Образование она получила в семье. Отец, Виктор Николаевич Лаврский, отказавшись от профессорского звания в семинарии, принял сан священника. Он дал своей дочери не только обширные знания, но и духовный заряд на всю жизнь. Мать приучила девочку к разнообразной домашней работе, старший брат Валериан, окончивший Казанскую духовную академию, привил ей тягу к естествознанию и философии, брат Константин — к гуманитарным наукам, знакомая помещица обучила французскому языку. Ее влекли странные развлечения. Например, она любила уцепиться за решетку подвального окна и висеть в темноте проема, не доставая ногами до пола, где копошились отвратительные двухвостки. Страшно ей было неизмеримо, но лишь затем она и входила туда, чтобы преодолеть это естественное чувство, научиться не пасовать перед опасностью. Она сама не сознавала, для чего ей нужна эта пытка. Однако ее вновь и вновь влекло в монастырский подвал, словно кто ее зывал или подталкивал. Внутренним зрением она видела то, чего в обычной, обыденной жизни у нее не было: странный, непроходимый лес, горящие глаза хищных зверей и тучи насекомых... и горы. Огромные горы! Она и сама не знала, что готовится к будущим испытаниям. Ее влекло Нечто. Так она испытывала себя, укрепляла характер.

Подруг у Александры не было. Похожие на нее девочки в России второй половины

XIX века редко встречались. Где-то в столицах уже жили юные создания эмансипирующегося женского пола, которые закаляли себя тем, что спали в мокрых простынях на жестких постелях, тайком курили и читали запрещенные книжки. Так, например, Софью Ковалевскую влекли математические формулы, которыми она обвесила все стены. Были и другие (Перовская, Крупская), отдающиеся революции так, как Изольда отдавалась Тристану. Родители их не понимали.

Играла Александра, которую все звали Сашкой, лишь с младшим братом Костей и его товарищами: в лапту, пристенок, ножички. Но и компания мальчишек ее не устраивала — слабаки! На ярмарках в то время входили в моду тиры, где стреляли из легких ружей по смешным фигурным мишеням. Никто из ребят не мог сравниться с поповской дочерью, которая сбивала столько медведей, зайцев и глухарей, сколько ни один из них.

В юности она так ни в кого и не влюбилась. Сердце ее было пылким, восторженным, но влекли ее тайны Земли, а не пола. Больше всего она любила читать романы Жюль Верна и Даниеля Дефо: сильные характеры путешественников, первооткрывателей и робинзонов. Именно они влекли ее. В темном проеме подвала она была с ними. В реальном нижегородском мире такие характеры ей не встречались.

В детстве Александра заслушивалась рассказами няни Авдотьи, талантливой крестьянки, знавшей множество замечательных историй. Особенно нравился ей рассказ о паломничестве Авдотьи в Киев. Пешие переходы, ночевки в открытом поле, чудеса... Как же это отличалось от той жизни, которая, казалось, на весь век была ей дана судьбой! Александра замирала, когда няня рассказывала ей о странниках русской земли. Этими рассказами заслушивались православные люди XIX века: с котомкой за плечами, пешком или на попутных подводах странники-бегуны отправлялись на поиски сказочной земли Беловодье, которая находилась где-то на Востоке. Там все были счастливыми, свободными, радовались жизни, дружескому общению, райской природе, умели любить и были любимы. Авдотья говорила, что у некоторых странников имелись таинственные карты, начертанные на бересте или пергаменте еще в стародавние времена. Однако никто этой страны не нашел, а если и добрал до нее, то уж назад не возвращался. Слово «Восток» для Александры приобрело волшебный смысл. Не в том ли далеком, неизведанном краю сказочный Алатырь-камень? И не под ним ли спрятана цель ее жизни, ее сердечная мечта?

В 1861 году умирает отец Александры. Чтобы сохранить приход, девушка должна была выйти замуж за священника. Она отказывается от своих «прав на место», от спокойной и обеспеченной жизни мещанки. Нет и нет! Видела ли она свое будущее? Оно ее притягивало, вселяло силы противостать настоящему. Годы шли, и вот уж ей тридцать. Все сверстницы — давно уже матери, так сказать, определились. Она же, простая воспитательница, все витает в тумане, в своем воображаемом мире. Чего же она ждала? Любви!

Григорий Николаевич Потанин, ничего не зная о суженой, вел свою фантастическую траекторию жизни, которая неминуемо должна была пересечься и слиться с ее судьбой. Родился он в 1835 году в семье сословного казака, есаула Николая Ильича Потанина, потомка первых русских землепроходцев, основавших на Иртыше Ямышевское поселение Баян-Аульского округа. Полугодовалым младенцем он совершил свое первое путешествие. Ледяной азиатской ночью отец вез его по заснеженной степи, и младенец выпал из кошева. Никто не заметил, как малыш, привязанный к подушке, плюхнулся в снег и... он продолжал тихонько посапывать в сугробе. Таким, спящим и счастливым, отыскивали его только к утру.

Григорий обучался в Омске, в Сибирском кадетском корпусе, служил на Ал-

тае. Он мечтал оставить военную карьеру и поступить учиться в университет. В 23 года Григорий Николаевич окончил в Томске со своей мечтой и полным отсутствием денег. Его талантливость и страстное стремление к знаниям и открытиям были замечены политическим ссыльным Михаилом Бакуниным. Они поговорили, и апостол анархизма, заняв 100 рублей, отправил молодого человека в Санкт-Петербург, сопроводив письмом: «Посылаю и рекомендую вам сибирского Ломоносова, казака, отставного поручика Потанина...»

Ко времени встречи со своей избранницей Григорию Николаевичу было 38 лет. За плечами богатый жизненный опыт: три курса естественного отделения физико-математического отделения Санкт-Петербургского университета, участие в студенческих волнениях, просветительская деятельность во благо процветания Сибири, путешествие на озеро Зайсан и Тарбагатай, разнообразные публикации о загадочной культуре кочевников Азии, арест, тюрьма, гражданская казнь и шесть лет ссылки с клеймом «сибирского сепаратиста». Человек огромной самородной энергии, материалист, он до встречи со своей любимой совершенно не знал, куда применить свою силу. Воображение Александры потряс рассказ Потанина о его участии в алтайской экспедиции. Неодолимо их потянуло друг к другу. Никого у них до этой встречи не было, несомненно, они всю жизнь ждали лишь друг друга. Эта встреча двух родственных, взаимодополняющих душ — явление космического масштаба! Она увидела то, что самому Григорию было абсолютно не ясно — его предназначение. Он думал о науке, о некоем абстрактном подвиге во имя народа и во славу Сибири, воруясь, словно Илья Муромец на своей лежанке. Любовь подарила ему определенную, живую цель.

В Петербурге супруги Потанины объявили о своем желании исследовать Алтай, Монголию и Тибет. Для своих друзей они были нераздельными, в письмах и воспоминаниях их называли просто — Потанины. В читальном зале Иркутской городской библиотеки сегодня можно увидеть ее портрет, выполненный современной художницей Еленой Сергейчук. На нем изображена стройная высокая блондинка с подстриженными волосами и острым взглядом на одухотворенном духовной аскезой лице. Из воспоминаний можно добавить то, что невидимо — у нее был чарующий тонкий и певучий голос. Прекрасное словесное описание Александры Викторовны этого периода ее жизни дал один из современников: «В ее лице была какая-то страдальческая черта, которая делала мне ее необыкновенно симпатичной... Это были какие-то исключительные черты, глубоко нарезанные на ее бледном, серьезном лице, и я не мог смотреть на нее без особенного чувства, совершенно необъяснимого и мне самому. У нее был взгляд такой, какой бывает у людей, много думающих, много читавших, много видевших...» (В. В. Стасов). В то время прочесть что-нибудь о Тибете было просто невозможно, но она знала, чувствовала его тайну, словно это знание родилось вместе с ней. Так идут рыбы на нерест, так летят птицы через океан...

И тут на пути к обоюдной мечте возникло, казавшееся непреодолимым, препятствие. Петербургские врачи запретили Александре Викторовне сопровождать мужа в этой фантастической по тем временам экспедиции, поставив неутешительный диагноз: болезнь сердца. Естественно, в состав исследовательской группы она не была включена. В те времена ученые всерьез говорили о черных пещерах, извергающих страшные азиатские бури, о вулканах, возникающих на стыках горных хребтов. Простолюдины пугали ее легендами о Беловодье. Все в один голос твердили ей, что не женское это дело, что ей положено сидеть дома и дожидаться возвращения мужа. Но она поехала. И, чудо! Едва они достигли Алтая, сердечные приступы прекратились. Перед Потаниными открывалась неведомая земля, ведь и Григорий не уходил дальше этих мест.

1 августа 1876 года из городка Зайсан экспедиционный караван в составе шести человек направился по широкой долине Черного Иртыша в кочевые просторы Монголии. Путь пролегал сквозь девственную тайгу, по болотистым низменностям, мимо небольших речек, завалов валежника. Для молодой женщины, горожанки и книгочеи, первые же испытания могли стать и последними: полчища комаров в глубоких и топких лощинах так густо заполняли ночной воздух, что гасли свечи! Ледяные горные реки, которые надо было переходить вброд, срываясь на голых камнях, обжигали; и конечно, грязь, духота и скученность в помещениях... В ее дневнике появляется запись: «Выдержу ли все лишения и неудобства пути?»

Странное дело, но для Александры Викторовны все это было знакомо, все уже было явлено в воображении. Она не только умело преодолевала трудности, но еще и вдохновляла, поддерживала своего мужа. Замечу, женщины тогда не носили мужской одежды. Каково же ей было месяцами скакать на лошади, пробираться по болотным топям, взбираться на ледники! Всему приходилось учиться. Трудно быть первой! Александра сама изобрела для себя полумужское одеяние, но и оно не могло избавить ее от превратностей таежных скитаний. Так они пересекли Алтай и проникли в Гоби, продолжая путь по безводной, усеянной черным галечником, пустыне. Чтобы приносить научной экспедиции максимальную пользу, Александра Викторовна самостоятельно овладела искусством живописи. Медовыми красками срисовывала она диковинные предметы, выходы пород, растения, насекомых и животных (многие ее живописные работы, необыкновенно талантливые, ныне хранятся в Томском университете). Со знанием дела помогала она собирать уникальные гербарии. И, конечно же, как женщина, выполняла всю традиционную бабью работу: стирала белье, закупала провиант и топливо, распоряжалась финансами. Известно, что Григорий Николаевич был человеком чрезвычайно доверчивым, совершенно непрактичным, теряющимся под бременем житейских дел.

Русские путешественники конца XIX века — сплошь мужчины: П.П. Семенов Тян-Шанский, Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов — и вдруг — женщина! В городках Китайского Туркестана, горах Хангая, кочевьях хуннских шаньюев и уйгурских ханов Александра неумоимо заполняла альбом зарисовками, собирала разнообразные коллекции, делала научные и литературные записи — открывала то, чего до нее цивилизованный мир не знал. Но влекло ее дальше, в самый эпицентр тайны — в Тибет.

«Какая же ты счастливая!» — говорили ей петербургские дамы, которые воображали о путешествиях лишь по книгам Майн-Рида. Это было невероятно трудное счастье. Счастье открывать пригрезившийся в детстве мир, счастье бездорожья. Григорий Потанин страстно любил свою необыкновенную жену. Казалось, не она, а он следовал за нею во все более и более опасные странствия. Если бы знали те петербургские дамы хотя бы сотую часть тягот, выпавших на долю их подруги, не иначе как пришли бы в чрезвычайное изумление.

О Потаниной-путешественнице прекрасно сказал академик В.А. Обручев: «Александра Викторовна обнаружила замечательную выносливость и неутомимость. В ее слабом теле оказалась большой запас нервной энергии, воли и способности преодолевать трудности. Она ездила на равных условиях с членами экспедиции — мужчинами, качалась целый день на верблюде или сидела в седле на лошади... Вечером ночевала в общей палатке или юрте, согревалась у огонька, довольствуясь скудной и грубой походной пищей, и спала на земле на тонком войлоке...» Дело осложнялось еще и тем, что время и места эти были немирными. Караваны грабили вооруженные всадники, а местные жители настороженно отнеслись к чужакам. Однажды путешественники приблизились к буддийскому

монастырю Шара-суме. Толпа монголов отнесила мужчин, связала их и увела. Александра оказалась одна-одинешенька в затерянном уголке Центральной Азии. Это и сильного мужчину повергло бы в ужас. Но Александра Викторовна обратилась к китайским властям, разъяснила цели экспедиции и те, разобравшись в ситуации, отпустили ее спутников. Одни лишь перечисления трудностей, опасностей и неудобств, испытанных этой женщиной, заняли бы множество страниц! Однако о них мы не прочтем в двух объемистых томах «Очерков Северо-Западной Монголии» и еще в двух томах этнографических материалов (легенды, сказки и мифы тувинцев, монголов и казахов), составленных по материалам этой экспедиции.

Вернувшись в Петербург, Александра Потанина неутомимо продолжала свое самообразование. Она посещает лекции в университете, изучает английский язык, встречается и ведет беседы с видными представителями русской науки, слушает доклады известных ученых по этнографии и географии, ходит в Эрмитаж, берет уроки живописи у друга своего мужа И.И. Шишкина. Потанины готовились к новой экспедиции.

Второе путешествие началось в конце мая 1879 года. То было труднейшее странствие по Урянхайской земле (Тува) на верблюдах. Именно тогда произошла встреча Александры Потаниной с колдовским миром древнейших на земле чародеев и врачевателей — с шаманами, мистически путешествующими во всех трех мирах: небесном, земном и подземном. Это случилось в местности Модон-обо, в долине, окруженной тринадцатью горными пиками, которые считались жилищами горных духов, сильномогучих шаманов. Однажды ее привлекли звуки бубна. Ритм, который отбивал таежный музыкант, слился с биением ее сердца. Григорий разбирал коллекции минералов, чудесное его тогда еще не влекло. Он даже удивился, что Александра, умная женщина, потянулась на звуки шаманского радения. Но она обладала даром видеть невидимое, и то, что Григорий считал мраком невежества, для нее было полно смысла.

То памятное для Александры Викторовны камлание осуществляла девушка-шаманка Найдым. Вначале ей показалось, что из-за стены леса вышла белая лошадь, окутанная туманом. Она, словно в танце, направилась к юрте, перед которой стоял треножник и курился жертвенный дымок можжевельника. Когда «видение» приблизилось, она поняла, что перед ней высокая, грациозная женщина. Движения ее были энергичны и гармоничны.

Под звездным небом, которое и без луны давало достаточно света, на снежной поляне, она обращалась к «тому, кто невидимо присутствует тут», отмечала Потанина. В те времена шаманские песнопения никто из ученых всерьез не воспринимал, считая их баснословными. Александра Викторовна в своем дневнике не только дала подстрочник речения, но и сделала собственный перевод. Что ее привлекло? Сейчас трудно ответить на этот вопрос, но ясно одно: в нем она услышала зов Тибета, увидела предначертанный Высшей Силой собственный жизненный путь. Вот эта пророческая запись речения в ее переводе:

«Златоглавая моя змея Амырга!

Пьющая воду из вершин рек! Шагающая по вершинам гор!

Левою рукой держусь за радугу, правой — за небо!

Тело мое велико, как гора, сердце мое крепче надмогильного камня.

Шуба моя из лохмотьев, пища моя горька, как сосновая смола...»

Тибет действительно станет для ее души мистическим надмогильным камнем, а пока перед путешественниками разворачивались во всей своей дикой красе заснеженные горы Анджан-хором. Триста верст они преодолевали два беско-

нечных месяца, прорубая дорогу в снегу. Ночевали прямо на заснеженном насте, на еловых лапах возле костра. Александра Викторвна, единственная женщина экспедиции, бесстрашно бросалась в ледяные потоки стремительных рек. Не каждый бывалый мужчина решился бы на такое.

Необычайно снежная зима была готова уничтожить экспедицию: «Нам пришлось бы зимовать, питаюсь остатками наших лошадей, из которых, впрочем, только одна (избегавшая всю дорогу ловли) была жирна, чем возбуждала аппетит у людей, которым надоели наши тощие бараны». Эта дневниковая запись Александры показывает нам неунывающую, бодро и не без юмора преодолевающую препятствия, необыкновенную женщину, вдохновляющую на подвиги мужчин.

Перед замерзанием берега горных рек окаймлялись ледяными карнизами (заберегами), середина же реки оставалась свободной ото льда. Вот с этих-то высоких заберегов и приходилось ей прыгать в воду. А в голове ее билась строка из шаманского речения: «Левой рукой держусь за радугу, правой за небо!».

Всего за время второго путешествия было пройдено 1800 верст. Но не только километры — бездну незнания европейцев о жизни и тайнах Центральной Азии они преодолели. Все, от геологии до фольклора, интересовало неутомимую женщину, раскрывалось в ее записях, зарисовках, собранных коллекциях. В мире науки, уже вкусившем плоды ослабляющей душу и ум специализации, она становилась энциклопедически образованным исследователем. Александра Викторвна, ведомая голосом мечты, научилась справляться с трудностями кочевой жизни, но здоровье ее таяло. В Тибет! Пора идти туда, куда ее зовет судьба.

В августе 1883 года из Кронштадта вышел в кругосветное плавание военный фрегат «Минин». Через порт Чифу, хребет Утайшань, кряжи Шаньси пролег маршрут третьего путешествия Потаниных. Черные бури крутили столбы пыли, обжигали лицо, слепили глаза. Пригнувшись к седлу, Александра Викторвна преодолевала тысячеверстные просторы неведомых земель, по сей день таинственного нагорья Восточного Тибета. В этой экспедиции она исследовала то, чего никто до нее не видел, — жизнь центрально-азиатских женщин, закрытую от посторонних мужских глаз. Русской путешественнице помогало врожденное умение налаживать добрые отношения с людьми, осваиваться, как в собственном доме, в любой экзотической обстановке. Присутствие такой незаурядной женщины подчеркивало мирный характер экспедиции Потанина, рождало симпатию местного населения. Вот только верховая езда ей была противопоказана. Сердце не выдерживало тряски, сбивалось с ритма. А может быть, сказывалось приближение к цели жизни?

Путь, полный лишений, вел караван Потаниных в большой тибетский монастырь Лабран, в страну Кукунор к знаменитому, воспетому китайскими поэтами, недоступному Лазоревому озеру. Перед российским читателем впервые эта страна раскрывалась в очерке Александры Викторвны «Тибет»: «Мы лично видели два больших тибетских монастыря: один в северо-восточном углу Тибета — монастырь Лабран. Стоит он в горах, высоко, где уже и хлеб не родится, и деревья не растут... И вот в таком-то пустынном и неприветном месте нашли мы монастырь, точно городок какой-нибудь, чистый, красивый, с двухэтажными каменными зданиями, с высокими храмами, на кровлях которых блещат золотые вазы с молитвами, по буддийскому обычаю, и над входами — изображения ланей и колеса; эти изображения тоже всегда золотят, и они далеко виднеются над плоскими кровлями храмов...» Впервые открылись перед европейцами символы золотой Лани, восходящей к мифическим атлантам, и знак вечно кружащегося времени — колеса, древнего индоевропейского символа. Дневники Потаниной пополняются ценнейшими записями, оригинальными рисунками русских восточных эмалей, растут коллек-

ции диковинных вещей, гербарии... Потом, когда она привезет это все в Петербург, столичные ученые будут буквально ошеломлены!

Третье путешествие закончилось в русском пограничном городе Кяхта. Длилось оно два года и шесть месяцев. Пройдено было около шести тысяч верст.

Тибет не оставлял ни мыслей, ни сердца Александры. Потанины в 1887–1889 годах живут в восточно-сибирском городе Иркутске, поближе к притягивающему их географическому магниту. В столичные города империи их не влекло. В одном из писем к В.В. Лесевичу Александра Викторовна пишет: «Пока я не стремлюсь уехать отсюда, и мне по-прежнему кажется, что нам лучше жить в провинциальном городе, что здесь наша величина не совершенно пропадает, а может оказать хоть какое-нибудь содействие...» Наступает время серьезных научных изысканий. Но как осмыслить тайну? Она знала, что ее открытия — лишь первые шаги в исследовании самых глубоких загадок планеты.

В те годы Иркутск, «российская окраина», был средоточием свободной мысли. Потанины скитались по разным квартирам, постоянно снимая одну комнатку на двоих. Долее всего они жили на Матрешинской улице, ныне названной в честь ее современницы Софьи Перовской. Именно в это время Александрой Викторовной был создан труд «Буряты» — первое научно-литературное произведение, раскрывающее судьбу, душу и жизнь коренного народа Сибири. У Потаниных стало собираться общество, но она предпочла жить в бедной бурятской семье, обучать детей, изучать быт и мудрость этого древнего народа. Ее научный доклад с иркутской кафедры произвел сильное впечатление на образованных горожан. Она была первой женщиной-ученым, которая осмелилась выступать публично. Современницы вспоминают: «Она очень волновалась, читая, но волновались не меньше мы, учительницы и гимназистки, чувствуя, что мы словно присутствуем при уравнивании человеческих прав женщины». Прочитывая ее статьи в литературно-политической газете «Восточное обозрение», они и не подозревали, что эта женщина идет впереди мужчин, прокладывая гибельный путь в тайну.

Осенью 1890 года Александра Викторовна Потанина вновь стала готовиться к путешествию в Тибет. Она явно искушала судьбу. Или она ее просто прекрасно чувствовала? Здоровье Александры было подорвано, но она ничего не сказала своему мужу, который являлся главой экспедиции.

В 1892 году, верхом на лошадях, они выехали из хорошо знакомого им пограничного города Кяхты. «Мы ехали, одетые по-зимнему и в дьяках на ночлегах ужасно мерзли — мерзнешь на улице, а в комнатах, где нет ни солнца, ни печи — вдвое. Эта невозможность хоть на минуту погреться ужасно как-то затрудняет и лишает энергии... очень трудно по утрам было вставать, а вставали часа в 3–4 и дожидались, пока накормят и снарядят мулов и согреют кипятком». Если бы они поехали караваном, на верблюдах! Не выдержало ее сердце непрерывной, изнуряющей тряски. Всю свою долгую жизнь Григорий Николаевич будет винить себя, что не доглядел, что затмил его разум этот каменный край. У Александры Викторовны началось сердечное расстройство, она лишалась сил. Казалось, что они уходят в ледяные глыбы Тибета. Она медленно угасала, но Потанин вел экспедицию все дальше и дальше, охваченный азартом первооткрывателя. Душа первой в мире женщины-путешественницы навечно сливалась с таинственными, притягательными горами Тибета. В тот год ей исполнилось 50.

Уход человека более загадочен, чем рождение. Возможно, Александра подошла к такому рубежу, далее которого инстинкт самосохранения Природы не мог ей позволить ступить. Не случайно долгие годы будет преследовать Г.А. Потанина мысль о центрально-азиатской прародине русского народа. В своих путевых

заметках Александра Викторовна пишет о тангутах — поразившем ее воображение тибетском народе. Она дала красочное описание сурового плоскогорья, где зимы очень схожи с российскими, а люди по образу жизни похожи на русских. Тибет и Россия как бы слились воедино. Селения тангутов — копии русских деревень: поля, колосющиеся овсом, гречихой, деревянные изгороди, женщины, заплетающие так же как и наши крестьянки волосы в тугие косы... Она будто бы оказалась в древней языческой Руси. Как и у наших предков, Новый год здесь праздновался в самом начале весны. И обряды схожи с нашей Масленицей: жгут костры из соломы, пекут блины, которые называют близким по звучанию словом «Балим», лепят из теста различные фигурки, и все поливают маслом. Ну чем не Масленица!

В разгар весны в тибетском городке Тарсандо («горн дляковки стрел»), окруженном высокими горами, Александра Викторовна, разливая чай, почувствовала себя плохо. Григорий Николаевич подхватил падающую жену, и ему послышалось, что она выдохнула слово: «Нирвана». Отправив группу исследователей дальше, он остался с любимой, надеясь вылечить ее. Казалось, что больной становится лучше, но это было лишь видимостью. После второго удара наступил паралич. В Тарсандо не было врача. Потанин повез совершенно обессиленную жену, неподвижную, лишенную речи, но с сияющими и все понимающими глазами в Чунцынфу (Чандуфу), где находился госпиталь. Осенью по реке ее везли на лодке, на юг, но она была уже в безнадежном состоянии. Две англичанки из британской миссии сопровождали больную. Они поставили рядом с ней горшки с удобрениями, дорого ценившимися в этих краях, и ко всем мукам добавилось жуткое зловоние. 19 сентября 1893 года, на самой границе Тибета, в этой самой лодке Александра Викторовна Потанина скончалась. Тибет был ее мечтой, и она не захотела расстаться с ним. Скончалась она на руках мужа. Томские исследователи — историк А.М. Сагалаев и поэт В.М. Крюков в книге «Потанин, последний энциклопедист Сибири» (2004) отмечают странные совпадения, заставляющие задуматься над судьбой русских, пытающихся проникнуть в этот загадочный край: «Кажется, какой-то злой рок тяготеет над русскими путешественниками в Тибет. Сначала на пути к его границам умирает Пржевальский. Теперь — Потанина. В.И. Роборовский в 1894 намеревался дойти до Сунпана, но был разбит параличом... Потанин никогда не вернется в Тибет, и в Тарсандо больше не услышат русской речи. Жизнь Потанина со смертью жены надломилась...»

Григорий Николаевич на десятилетия погрузился в изучение азиатского фольклора, став своеобразным «кочевником слова». Он продолжал исследовать тайну, к которой прикоснулась его любимая. В одном из писем он обмолвился: «Испытываю над собой словно чью-то власть, больше чем власть — насилие. Точно меня кто-то держит в тисках». В результате рождается его странная и завораживающая воображение «восточная гипотеза». Но это тема отдельного разговора.

В Китае Александру Потанину называли Сиянской («заморской») женщиной. Жители русской колонии в Ханькоу помогли доставить гроб с покойной в Кяхту, где она и была погребена на соборном кладбище 23 января 1894 года. На могиле А.В. Потаниной ныне стоит памятник: царственная Александра смотрит в небесную даль. На пьедестале надпись: «Первая русская женщина-путешественница — исследователь Центральной Азии Александра Викторовна Потанина (1843–1893)». А на высотах Монгольского Алтая в нетронутой белизне, будто обнимаясь и всматриваясь в соседние вершины Тибета, сияют два ледника, два природных храма, носящие имена Александры и Григория Потаниных.

